

## СТО БРАТЬЕВ

Мои братья Роб, Боб, Том, Пол, Ральф, Фил, Ноа, Уильям, Ник, Деннис, Кристофер, Фрэнк, Саймон, Сол, Джим, Генри, Шеймус, Ричард, Джереми, Уолтер, Джонатан, Джеймс, Артур, Рекс, Бертрам, Вон, Дэниэл, Рассел и Ангус, тройняшки Герберт, Патрик и Джеффри, близнецы Майкл и Абрахам, Лоуренс и Питер, Уинстон и Чарльз, Скотт и Сэмюэл, а также Эрик, Донован, Роджер, Лестер, Ларри, Клинтон, Дрейк, Грегори, Леон, Кевин и Джек, родившиеся в один и тот же день, двадцать третьего мая, хотя и в разные часы разных лет; и язвительный графоман Серджио, чьи разгромные мнения регулярно появляются на первых страницах наиболее консервативных ежемесячников, не говоря уже о жидкокристаллических экранах, что сияют по ночам на светящихся рабочих местах бесчисленных осоловелых подписчиков новостных лент (среди них наш брат известен под ласковым электронным прозвищем Сердитжио); и Альберт, слепой; и Зигфрид, работающий по стали скульптор; и Антон с клинической депрессией, шизофреник Ирв, бывший наркоман Клейтон; и тропический ботаник Максвелл, который после возвращения из джунглей

слегка не в себе; и Джейсон, Джошуа и Джеремайя, все смутно угрюмые — каждый в своем стиле «пропавшего парня»; и Элай, что проводит одинокие бессонные вечера в башне, заполняя блокноты портретами братьев — отдельными эскизами для крупного полотна? — среди которых есть прокурор Чак; диарист Портер; защитник гражданских прав Эндрю; архитектор принципиально неосуществимых зданий Пирс; добрый доктор медицины Барри; режиссер документальных фильмов Филдинг; шпион, известный связями с Госдепом, Спенсер; психотерапевт «нового тысячелетия» Фостер; часовщик Аарон; Рэймонд, который пилотирует собственный самолет; и градостроитель Джордж, который — вы вспомните, если читали газеты, — не так давно отличился новаторской программой по воскрешению запущенного городского центра (он предложил «анимированную интерактивную диораму на тему современных культурных и экономических народных обычаев»), но потряс и изумил всех, абсолютно всех, исчезновением на пару с девушкой по имени Джейн и полной сумкой непомеченных купюр из муниципальных фондов; и все молодые отцы: Сет, Род, Видал, Беннет, Датч, Брайс, Аллан, Клей, Винсент, Густав и Джо; и Хайрам, старший; Закари, великан; Джейкоб, полимат; Вирджил с его навязчивым шепотом; Милтон, медиум, чьими устами говорят духи из других времен; и закоренелые распутники Стивен, Дензил, Форрест, Топпер, Темпл,

Льюис, Монго, Спунер и Фиш; и, конечно, наш прославленный «идеальный» брат Бенедикт, получивший медаль Академии наук за двадцатилетние исследования феромонов «языка секса» у одиннадцати типов общественных насекомых, — все мы (кроме Джорджа, о котором много слухов, слухи без конца и края: он сбежал из окрестностей, он прямо у нас под носом, он живет под новым именем, а то и не одним, у него новое лицо — все такое), все мои девяносто восемь, без Джорджа, братьев и я собрались в красной библиотеке и решили, что наконец-то пора уже забыть о прошлом, отбросить уныние, разделить легкую трапезу и найти, если хватит душевных сил, пропавшую урну с прахом старой сволочи.

День был мерзкий, цвета олова. На стенах красной библиотеки кишели тени и свет, отброшенные множеством тусклых ламп для чтения, что сияли нимбами над столами и освещали наши колени, пока мы шлепались на диваны и кресла под репродукциями английских картин на тему охоты и под головами животных — одиноких, африканских, глядящих из свободных прямоугольников стен среди деревянных шкафов, что забиты викторианскими собраниями сочинений и трудами неизвестных поэтов.

— Ненавижу эту комнату. Здесь разит смертью, — прошептал Вирджил, втиснутый со мной в двойное кресло. Вирджил часто чувствовал — или ему

казалось, что чувствует, причем с самого детства, — страх и давление. Ни добрым словом, ни делом облегчить его жизнь было невозможно. Хоть мы и старались.

— Выше нос, — ответил я. Мимо нас в поисках мест прошаркала череда братьев. Библиотеку наполняли мужская энергия и тихие голоса, твердящие: «Эй, подвинься». Скоро останутся только стоячие места. Затхлый воздух залоснится от нашего запаха пота, лосьонов для бритья, влажных выдохов. Помогите нам боже. Вирджил уже сгорбил-ся на нашей с ним общей подушке с видом взмокшего клаустрофоба — голова между коленями, слезящиеся глаза вперились в ковер.

— Почитай пока журнал, — предложил я. И вдруг в дальнем углу — грохот, вырывающий из размышлений звон разбившегося стекла: уронили лампу. Так всегда и бывает, когда мы набиваемся в красную библиотеку: кто-нибудь спотыкается о провод, или пятится напрямиком на трехногий столик с вазой, или слишком грузно падает на кресло — и в результате с шумом гибнет очередной предмет искусства или семейной мебели; это тревожно, неизбежно и смешно. В сегодняшнем происшествии, судя по всему, виновен Макс, который, очевидно испуганный ударом опрокинутой лампы, громким треском разбитого фарфора, замер на миг и устался на зацепившийся за лодыжку шнур — черный провод, змеящийся по полу между разбросанными

у его туфель блестяще-белыми осколками фарфора (маленький конический абажур освободился и отправился в полет, едва не сбив с соседнего столика другую лампу), — после чего медленно оглядел притихшую библиотеку и спросил, не обращаясь ни к кому конкретному:

— Это что, я?

Бедняга Максвелл. С самого возвращения в прошлом месяце из фармакологически-ботанической экспедиции по сбору образцов он вел себя заметно возбужденно, неуклюже и рассеянно, как человек, страдающий либо от лихорадки, либо от жизненного кризиса. Видимо, в Коста-Рике произошло нечто странное, и теперь Макс сбивал и разбивал все подряд со скоростью один электрический прибор, декоративное блюдо, горшок с растением или скульптура каждые три дня.

— Как думаешь, что с ним? — едва слышно прошептал мне на ухо Вирджил.

Мы вместе наблюдали, как Макс нетвердо присаживается среди обломков лампы. Зигфрид и Стивен, в момент происшествия стоявшие поблизости, подошли к брату и теперь помогали собрать осколки, скрупулезно сгребая их в аккуратную кучку: шесть вытянутых рук, принадлежащих мужчинам среднего возраста, прочесывали и прощупывали ковер на предмет кусочков фарфора и неразличимых, прозрачных заноз от лампочки. Меня поразило, как растолстел Стивен. От одного взгляда

на него потянуло на виски с содовой. Он собрал частицы в мягкую пригоршню и отправился к камину, где, несмотря на то что в помещении и так было довольно тепло, а с неуклонным появлением новых тел станет так удушающе жарко, оперся на ходунки старик Хайрам, чтобы исполнить свой традиционный патриархальный ритуал: хамски руководить разведением очередного его исполинского бушующего огня.

— Посильнее комкай! — орал Хайрам на Донована, который сминал страницы воскресной газеты и метал их на решетку.

Хайрам — девяностотрехлетний старик, повсеместно презираемый за его склонность к уничтожительной жестокости.

— Дымоход проверь! — приказал он Доновану так громко, что слышала вся семья. Тут быстро подошел Стивен с опущенной головой и вытянутыми перед собой руками, словно поднося нечто неприятное, что по прибытии и закинул в краснокирпичный камин — россыпь порошка и мусора, затуманившую очаг и воздух вокруг мелкозернистым смогом.

Хайрам тут же схватился за ручки ходунков и с лязгом отпрянул, спасаясь от пыли.

— О, мои туфли, вы только посмотрите на мои туфли! — вопил он, пока в его сторону в руках Максвелла отправлялась новая партия стекла, пыли и заодно нескольких больших и острых, как нож,

фрагментов фарфора. Мы все с ужасом наблюдали, как Макс лавирует между мебелью и вытянутыми ногами откинувшихся на спинки кресел мужчин. Все норовило влезть на дорогу Макса, и казалось, что с каждым нервным, заплетающимся шагом он ближе к падению. Макс перескочил внезапно выросшую на пути оттоманку. То и дело запинался об уголки ковров. Ковры были древними и ценными, протертыми практически до исчезновения, но черт бы с ними, больше беспокоило, что Макс натворит что-нибудь непоправимое зазубренным фарфором, которым угрожающе размахивал во все стороны. «Эй! Эй!» — заорал Хайрам, когда Макс, преодолев широкий персидский ковер, вышел на паркет, окончательно потерял равновесие и сорвался на бег/скольжение/шатание по половицам по направлению к нему — Хайраму, сжимавшему ходунки кулаками, что пошли от возраста бурыми пятнами. Макс замахал руками, и уж казалось, что он врежется в нашего старшего брата и напрочь отсечет ему голову. Но Хайрам съезжился за полукруглыми ходунками, как за металлической баррикадой высотой по пояс. Опустил голову между согнутыми локтями, выставил ходунки вперед и приготовился к столкновению — в былые времена он мастерски играл в футбол! И теперь продемонстрировал достойную восхищения форму, когда принял первую атаку на ходунки, а от основной силы грядущего удара, который должен был развалить его на две

половинки, отпрынул в боковом маневре «ложный выпад и парирование», столь грациозном, что его хотелось посмотреть на замедленном повторе.

Макс вильнул в сторону. Хайрам потряс кулаком, но не в гневе, а, как выяснилось, от боли. Он повредил запястье — в преклонные годы так просто заработать травму. Хайрам схватился за хрупкую руку и весь над ней сложился — машинально, из-за инстинкта самосохранения, как человек, попавший себе по пальцу молотком. Хайрам потряс ладонью и скривился. Естественно, к нему со своего места тут же подскочил Барри — заботливый врач и преданный брат. Он всех нас осматривает бесплатно, а также всегда выписывает по телефону тетрациклин или новую дозу антидепрессантов. Если нужен профильный специалист, он с радостью выдает нам направления.

Барри погibas запястье Хайрама, осторожно помассировал ладонь и костлявое предплечье. Повращал сустав. «А так? Так? А вот здесь? Нормально? Нет? Болит? Прости». И так далее, пока старик строил гримасы.

Тем временем Макс продолжал выделывать колена. Осколки фарфора из его рук никуда не делись. Да что он вытворяет? Отбивается от невидимого врага? Никто не смел к нему подойти. Все шло к серьезной беде.

— Вот бы и мне того, что он курил, — прошептал Вирджил, когда вращающийся ботаник метнулся обратно на персидский ковер, в гущу близнецов.



Тут я не мог не испытать небольшой прилив радости. На всех наших встречах близнецы неизменно сбивались в кучку и отказывались якшаться с нами, предпочитая свой маленький клуб, — а это высокомерно. И вот внезапно ворвался Макс, берсерк в их рядах, и рассеял три из четырех парочек. Словно в сложном танце, Макс вооруженным и опасным дервишем пронесся между Лоренсом с Питером слева и Скоттом с Сэмюэлом справа; близнецы тут же ловко отступили, но за их шуточную паникой последовал пируэт Макса прямо на Уинстона и Чарльза, которые повалились от него на кресла, вскинув руки перед одинаковыми испуганными лицами с криком: «Отстань! Отстань!»

Тогда-то я и заметил, что на Максе один из моих любимых итальянских галстуков. Чего еще ждать от семьи. Не успеешь отвернуться, как кто-нибудь уже копается в твоём гардеробе.

— Мой галстук! — крикнул я с другого конца библиотеки. Галстук мотался и трепетал, как на ветру.

Но настоящего сквозняка не было, лишь страх и сумятица, когда мужчины всех возрастов поспешно вскакивали с мест и жались неровными рядами к книжным шкафам и эркерам между шкафами — кольцо братьев, наблюдавших за ним с той же жалостью и отстраненным испугом, с каким взирали скорбно нависавшие над нами головы лосей и гну.

К этому моменту библиотека набилась почти до отказа. Последние опоздавшие стекались из самых

удаленных крыльев здания по длинным коридорам и лестницам. Один за другим явились все, кроме Джорджа. Среди последних прибыл Милтон. Я увидел, как он входит в главную дверь.

Или не входит. Проем закупорили Клинтон, Род, Беннет, Кристофер, Леон и многие-многие другие, замороженные драмой, разыгрывающейся в центре зала: брат, бесцельно и опасно атакующий пустоту осколками, крепко зажатыми в дрожащих руках.

— Вряд ли он тебя слышит, — сказал вечно шепчущий Вирджил. — Сам на него посмотри. Это все весьма печально. Ему нужна помощь.

Может, кому-нибудь юному и гибкому стоило выйти вперед, рискнуть здоровьем, показать себя истинным гладиатором и повалить Макса. Высоко поднять голову, низко метнуться, опрокинуть его на ковер. Бац — и готово.

— Где Закари, когда он нужен? — тихо спросил я Вирджила.

— В жопу Закари.

— Да, точно. В жопу его.

— Ты же меня понимаешь?

— Да. Конечно.

Но *что* я должен был понимать? И почему я согласился с Вирджилом? И *что* это, кстати, за низкий, жужжащий, гудящий шум от камина?

Сказать по правде, мне Зак очень нравился. Конечно, в детстве он порой злоупотреблял своим телосложением против братьев поменьше ростом.

Здесь можно вспомнить знаменитый гадкий случай, когда Закари — еще до того, как ему исполнилось семнадцать, вымахавший до внушительных двух метров и весивший сто двадцать килограммов без единого грамма жира, все еще продолжавший расти как вверх, так и вширь, — решил, что будет весело прижать Вирджила коленом к полу, энергично растерать его голый живот щеткой для волос и кричать восторженным и глубоким от гормонов голосом: «Краснопузый! Краснопузый!»

Если так подумать, хватало и других похожих инцидентов.

— Легок на помине, — простонал Вирджил.

И в самом деле — вот он, черноволосый мучитель, собственной персоной. Пробивается сквозь толпу с противоположного конца библиотеки. Вокруг, как поплавки, покачиваются головы не столь высокорослых братьев, торопятся убраться с его пути. Братья расступались перед Закари. Боже, ну и ручищи.

Заметит ли Зак меня с Вирджилом на крошечном двойном кресле? Или же — и остается только надеяться! — проглядит нас и двинет сразу к Макс, которого действительно ненавидит?

Ни то ни другое. Мальчишки есть мальчишки, даже когда они уже взрослые мужики с больным сердцем. Зрелище, разворачивавшееся в центре библиотеки, захватило всех, не исключая и Закари. Братья подбадривали Макса выкриками.

— Гуляй как в последний раз, Максвелл! — крикнул кто-то — пророчески? — когда Макс стукнулся о кресло и чуть не упал.

— Наши братья — свиньи, — вынес вердикт Вирджил.

Ну, и да и нет. «Свиньи» — это резковато. Очевидно, Вирджил впадал в очередную хандру. Не в моих привычках придирается к чужим несчастьям; и все же стоит обозначить сразу — в начале нашего совместного вечера, — что в этой семье, как и в любой другой, некоторые настроения и состояния становятся до того преобладающими и хроническими, что уже воспринимаются не как отдельные события, а скорее как привычные личностные черты, общие атрибуты — те грани характера, которые как раз ввиду своего укрепления свидетельствуют о принадлежности к семейному кругу. Коллективный характер конкретно этой семьи можно со всеми основаниями назвать исступленным, романтическим, летаргическим, саркастическим, пугливым, разочарованным, хмельным, воинственным, распутным, бессердечным, волчьим, погранично нарциссическим, нервно узколобым и более-менее обуреваемым отчаянием, хотя изредка, в нетрезвом состоянии, — радостным. Из-за этого бывают проблемы. То, что мы терпимо относимся к депрессии, еще не облегчает боль одинокого страдальца среди буйного празднования. В общении с Вирджилом я всегда исхожу из худшего.



[Почитать описание, рецензии  
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

